

А. Р. Шарипова

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В УГОЛОВНОМ, АРБИТРАЖНОМ, ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© Шарипова Алия Рашитовна (nord-wind23@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Институт права, Башкирский государственный университет, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

Тема кандидатской диссертации: «Уголовное преследование по делам о налоговых преступлениях». Автор более 35 научных работ, в т. ч. соавтор таких работ, как: «Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения» (2017), «Риторика для юристов» (2017), «Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права» (2016).

Область научных интересов: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, экономические преступления.

АННОТАЦИЯ

Новизна статьи определяется рассмотрением в ней соотношения мер процессуального принуждения, обеспечительных мер арбитражного суда, мер по обеспечению иска в гражданском судопроизводстве и мер по предварительной защите административного судопроизводства.

Целью этого сравнительного анализа является определение единства их правовой природы, выявление тождественных и сходных элементов, обнаружение обоснованных и необоснованных отраслевой спецификой различий.

Задачами явилось сравнение целей, способов, процедуры, субъектного состава и иных элементов исследуемых институтов арбитражного, гражданского процессуального, административного и уголовно-процессуального права.

Центральным методом исследования выступил сравнительно-правовой метод.

В результате исследования выявлена близость правового регулирования правообеспечительных мер в арбитражном, гражданском и административном судопроизводствах и значительное своеобразие – в уголовном процессе. Обнаружены необоснованные различия в субъектном составе инициаторов применения обеспечительных мер, отсутствие возможности встречного обеспечения в уголовном судопроизводстве.

В заключение предложены меры по межпроцессуальной унификации рассматриваемого правового института.

Ключевые слова: судебное право, уголовный процесс, меры процессуального принуждения, меры пресечения, обеспечительные меры, наложение ареста на имущество, встречное обеспечение, аналогичные институты права.

Цитирование. Шарипова А. Р. Сравнительно-правовой анализ обеспечительных мер в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 95–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-95-100>.

A. R. Sharipova

COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS OF SECURITY MEASURES IN CRIMINAL, ARBITRATION, CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

© Sharipova Aliya Rashitovna (nord-wind23@mail.ru), Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Law and Procedure, **Bashkir State University**, 32, Validy Street, Ufa, 450076, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminal prosecution for tax crimes cases». Author of more than 35 scientific works, including coauthor of such works as: «Implementation of criminal policy: modern problems of criminal and criminal procedure lawmaking, law enforcement and staffing» (2017), «Rhetoric for lawyers» (2017), «Relationship of criminal and criminal procedure law» (2016).

Research interests: criminal proceedings, criminal proceedings, economic crimes.

ABSTRACT

The novelty of the article is determined by the consideration in it of the ratio of measures of procedural coercion, interim measures of the arbitral tribunal, measures to secure a claim in civil proceedings and measures for the preliminary protection of administrative proceedings.

The purpose of this comparative analysis is to determine the unity of their legal nature, the identification of identical and similar elements, the discovery of reasonable and unjustified industry specific differences.

The tasks were the comparison of goals, methods, procedure, subject composition and other elements of the institutions of arbitration, civil procedural, administrative and criminal procedure.

The central method of research was a comparative legal method.

As a result of the study, the proximity of legal regulation of law-enforcement measures in arbitration, civil and administrative proceedings was revealed, and a significant difference in the criminal process. Unjustified differences in the subject composition of the initiators of the application of interim measures were discovered, and there was no possibility of counter provision in criminal proceedings.

In conclusion, measures for the inter-process unification of the legal institution under consideration are proposed.

Key words: judicial law, criminal procedure, measures of procedural coercion, preventive measures, interim measures, seizure of property, counter collateral, similar institutions of law.

Citation. Sharipova A. R. *Sravnitel'no-pravovoi analiz obespechitel'nykh mer v ugovnom, arbitrazhnom, grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [Comparative-legal analysis of security measures in criminal, arbitration, civil and administrative proceedings]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, Vol. 4, no. 4, pp. 95–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-95-100> [in Russian].

Концепция судебного права, аргументы в пользу которой высказывались [1] и высказываются [2; 3] в специальной литературе разной отраслевой принадлежности, в нашем видении предполагает не только унификацию универсальных процессуальных институтов (таких как отвод суда, доказательства и др. [4; 5]) и максимальное сближение аналогичных институтов (таких как принципы права, участники процесса, экономичные процедуры судопроизводства и др.). В рамках этой же концепции требуется, на наш взгляд, также обоснование наличия специальных институтов (таких, например, как суд присяжных или презумпция невиновности) важнейшими, бескомпромиссными отличиями каждой из процессуальных отраслей, определяемыми в том числе ее предметом и методом правового регулирования и отраслевыми принципами процесса.

В настоящей статье предпринята попытка сближения не универсальных, а аналогичных институтов нескольких процессуальных отраслей на примере так называемых иных мер процессуального принуждения (глава 14 УПК РФ), обеспечительных мер арбитражного суда (глава 8 АПК РФ), мер по обеспечению иска (глава 13 ГПК РФ) и мер по предварительной защите (глава 7 КАС РФ).

Не желая углубляться в поиски оптимального наименования для сравниваемых институтов в целом, остановимся на термине «обеспечительные меры».

То, что эти институты не являются универсальными для всех процессуальных отраслей, но все же могут быть признаны аналогичными, а не специальными, нуждается, по нашему мнению, в обосновании.

Во-первых, есть естественная разница между качеством института для арбитражного, гражданского и административного процесса, с одной стороны, и уголовного процесса – с другой. Для первых трех, наверно, обеспечительные меры являются именно универсальным институтом (хотя даже в наиболее близких между собой арбитражном и гражданском процессах исследователи обнаруживают массу необъяснимых различий, отмечая зачастую архаичность в этой части ГПК РФ и прогрессивность АПК РФ [6], с выводами о которых мы склонны согласиться), но с учетом четвертого вида процесса – уголовного – в целом институт для целей нашей классификации становится аналогичным.

Во-вторых, дело здесь, конечно, не только в его названии, хотя последнее не совпадает по понятным причинам: и все обеспечительные меры по своей сути являются принудительными, а не добровольными, и меры, предусмотренные в УПК РФ, имеют среди своих целей обеспечение исполнимости будущих судебных решений. Но, несмотря на эти совпадения, законодателем, полагаем, не случайно избраны разные названия для соответствующих институтов и одноименных глав процессуальных кодексов.

В-третьих, мы осознаем крайнюю непопулярность среди либерально настроенных ученых точки зрения о близости правовой природы мер процессуального принуждения уголовному преследованию. Так, например, А. А. Тарасов, защищая презумпцию невиновности, критикует З. Д. Еникеева и К. В. Муравьева за употребление терминов «уголовно ответственные лица» и «меры уголовно-правового воздействия» в контексте рассуждений о мерах процессуального принуждения [7]. Но если предположить, что ядро мер принуждения – меры пресечения и крайняя (то есть наиболее строгая) из них – заключение под стражу – имеют своей целью не преследование лица, предположительно совершившего преступление, а только обеспечение сохранности доказательств, возможности подвергнуть упомянутое лицо суду, безопасности других участников процесса, то почему ничего подобного указанным мерам нет в других процессуальных отраслях? Разве в арбитражном процессе заинтересованное лицо (причем и истец, и ответчик) не может уничтожить доказательства? Разве в административном деле лицо, привлекаемое к ответственности, не может скрыться от суда? Разве в гражданском деле (например, о расторжении брака и определении места жительства детей) одна из сторон не может угрожать безопасности другой? Но почему-то все остальные процессуальные отрасли ограничиваются в рамках обеспечения максимум «запретом совершать определенные действия» и ничего напоминающего уголовно-процессуальные меры пресечения не содержат.

Предсказуемо нам могут возразить, что уголовный процесс имеет дело с существенно более опасными деяниями, чем любой другой, поэтому и

средства у него должны быть соответствующими. Не случайно и наличие у мер пресечения специфического основания – достаточных данных полагать, что обвиняемый, подозреваемый может продолжать заниматься преступной деятельностью. Однако ею заниматься может не только центральный участник стороны защиты по уголовному делу, а масса других лиц, по отношению к которым с предупреждением совершения преступлений государство не менее эффективно справляется при помощи оперативно-розыскных мер. Преступной деятельностью, к слову, может заниматься и участник гражданского и арбитражного процесса, однако характера обеспечительных мер по гражданским или арбитражным делам с его участием это не изменит.

По перечисленным причинам приближение названных процессуальных институтов к некоему универсальному минимуму если и возможно, то только в ограниченных пределах.

Так, половина мер процессуального принуждения применяется не судом, а стороной обвинения (в отношении недавнем прошлом, до 2002 года, к этому перечню относилось даже заключение под стражу! [8, с. 116]), к исключительно судебным мерам относятся только: запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу, временное отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности, наложение ареста на имущество и денежное взыскание.

Это отличие регламентации «обеспечения» предопределяет настолько коренные различия между аналогичными институтами, что следует либо исключить внесудебные меры уголовно-процессуального принуждения из попыток сближения с другими отраслями (и на это есть основания, поскольку к «судебному» праву и приводить следует по большому счету только «судебную» часть уголовного процесса), либо столь серьезно их преобразовать, что от существующих мало что останется.

В рамках этой статьи мы ограничимся сопоставлением сравнимых (то есть судебных) мер по схеме, диктуемой структурой законов (основания, процедура, виды). Даже в их числе прямо сопоставимыми с институтами остальных процессуальных отраслей являются лишь наложение ареста на имущество и запрет определенных действий.

Законодательная регламентация, данная в УПК РФ, отличается тем, что у отдельных мер или их групп есть свои основания, тогда как арбитражное, гражданское и административное судопроизводство закрепляет внутри своей отрасли единые основания. Общим для арбитражного и гражданского процесса является принятие обеспечительных мер в случаях, когда их отсутствие может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта; общим для арбитражного и административного процесса – предотвращение причинения вреда интересам заявителя.

Обобщенная теоретиками цель, выведенная из оснований применения обеспечительных мер

в уголовном процессе, сводится к обеспечению надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого в связи с производством по уголовному делу (относительно мер пресечения) и «беспрепятственному установлению юридически значимых обстоятельств уголовного дела» (относительно мер принуждения в целом) [7].

Эта цель мер принуждения в уголовном процессе оправдывает в некотором роде определенное «посягательство» на презумпцию невиновности при их применении, предполагающем в той или иной степени оценку обоснованности подозрения, обвинения (или приобретения лицом статуса подозреваемого, обвиняемого [7]). Тут нужно обратить внимание на то, что иные процессуальные отрасли сумели при назначении своих обеспечительных мер избежать оценки судебного спора по существу, поскольку при решении вопроса об обеспечении иска обоснованность исковых требований не исследуется вовсе. Такое положение вещей имеет и недостатки: бывают случаи злоупотребления правом, когда иск подается только ради обеспечения (отсрочки исполнения оспариваемого решения государственного органа, блокирования финансовых возможностей или сделок конкурента), а не ради последующего удовлетворения требований. При наличии нормально мотивированного процессуального оппонента, правда, эти недостатки достаточно легко нивелируются встречным обеспечением.

С точки зрения процедуры принятия всех рассматриваемых мер они близки и назначаются судьей единолично в кратчайшие сроки: в день поступления заявления (ст. 141 ГПК РФ), не позднее следующего дня (ст. 93 АПК РФ), не позднее следующего рабочего дня (ст. 87 КАС РФ), не позднее 24 часов (ст. 165 УПК РФ).

С точки зрения соотношения со стадиями процесса обеспечительные меры в арбитражном и гражданском судопроизводстве могут быть приняты на любой стадии процесса по прямому указанию закона (а в арбитражном – еще и до начала процесса). В административном судопроизводстве предварительные меры защиты принимаются до вступления решения суда в законную силу, и такое ограничение во многом объясняется спецификой рассматриваемых дел. В уголовном процессе ограничение применения мер принуждения какими-либо стадиями не названо прямо, не исключено, однако традиционное очерчивание времени их действия вступлением приговора в законную силу справедливо подвергается сомнению [9].

Нет привязки в уголовном процессе и к вступлению в силу окончательного судебного акта суда первой инстанции как к универсальному сроку действия обеспечительных мер: в отличие от остальных видов процессов, сроки отдельных мер принуждения определяются в абсолютных величинах, поскольку судебный акт, разрешающий дело по существу, в уголовном производстве может и не состояться.

Существенная разница есть в том, кем может быть подано ходатайство (заявление) о принятии

обеспечительных мер. В арбитражном процессе с заявлением может обратиться лицо, участвующее в деле, или даже иные лица, включая «истцов» до подачи ими иска (такие меры называются предварительными – ст. 99 АПК РФ), а также стороны третейского разбирательства и др. В гражданском процессе соответствующим правом обладают только лица, участвующие в деле (ст. 139 ГПК РФ), и предварительных мер в широком смысле в ГПК РФ не предусмотрено (есть только новая норма о предварительных мерах защиты авторских и смежных прав в Интернете – ст. 144.1 ГПК РФ).

Кодекс административного судопроизводства РФ предусматривает такое право для административного истца или лица, обратившегося в суд в защиту прав других лиц или неопределенного круга лиц (ст. 85).

И наконец, в уголовном процессе ходатайство о запрете определенных действий, домашнем аресте, заключении под стражу, временном отстранении от должности, наложении ареста на имущество возбуждается следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора (ст. 105.1, 107, 108, 114, 115 УПК РФ). Такой порядок предусмотрен для всех рассматриваемых нами мер уголовно-процессуального принуждения, кроме залога; последний является по сути, скорее, заменой одной обеспечительной меры на другую или «встречным» обеспечением. Последний термин возможно использовать, как нам кажется, только в кавычках, поскольку встречное обеспечение в действительности все-таки подразумевает процессуальный паритет между сторонами конфликта до его разрешения, а в уголовном процессе о таком паритете по разным причинам говорить не приходится, и подобные попытки встречают в литературе справедливую критику [10, с. 292–300].

Субъектами инициативы применения обеспечительных мер в уголовном процессе являются следователь и дознаватель, но почему-то не потерпевший и не гражданский истец, хотя последние в достижении целей мер принуждения заинтересованы не меньше. Полагаем, что отсутствие указания всех участников дела со стороны обвинения в перечне лиц, имеющих право заявлять ходатайства о применении мер принуждения, не обосновано (даже при наличии у них права заявлять ходатайства, сформулированного в общем виде в ст. 42, 44 УПК РФ). Разумеется, потерпевший и гражданский истец вправе ходатайствовать перед следователем и дознавателем, чтобы те ходатайствовали перед судом об искомом. Но, во-первых, удлинение этой цепочки приводит к затягиванию сроков, что в случае с обеспечительными мерами всегда критически важно; во-вторых, профессиональные участники производства по уголовному делу со стороны обвинения заинтересованы, например, в сохранении имущества для взыскания не так «кровно», как люди, пострадавшие от преступления; и, в-третьих, любые права и интересы, которые человек, тем более в сфере уголовного

судопроизводства, считает своими и хочет защищать, должны становиться предметом судебного рассмотрения без всякого опосредования, по одной лишь воле заинтересованного. Полагаем в связи со сказанным, что у потерпевшего и гражданского истца должно быть прямо предусмотренное в законе процессуальное право непосредственно ходатайствовать перед судом об избрании мер уголовно-процессуального принуждения, относящихся к компетенции суда. Никаких потерь, по нашему мнению, уголовный процесс от этого не несет, ведь обращение в суд заинтересованного лица не гарантирует удовлетворения его ходатайства, но при этом создает дополнительные гарантии реализации прав и законных интересов для потерпевшего и гражданского истца, в том числе и в случаях бездействия уполномоченных должностных лиц органов расследования.

Несмотря на эти соображения, в настоящее время даже право потерпевшего знать о том, избрал суд обвиняемому меру пресечения или отказал в избрании, нуждается в научном обосновании и защите [11, с. 7–8], не говоря уже о его активной роли в этом процессе. В уголовно-процессуальной литературе вообще обращается внимание на неопределенную усеченность прав потерпевшего по уголовному делу в сравнении с правами истца по гражданским делам [12, с.199; 13].

Рассматриваемая ситуация униженной процессуальной роли потерпевшего и гражданского истца заставляет нас перейти к другой большой проблеме мер принуждения в уголовном процессе – отсутствия всякого подобия встречного обеспечения. В арбитражном процессе под встречным обеспечением понимается, как правило, внесение истцом на депозит суда суммы (части суммы) арестованного по его заявлению об обеспечении имущества ответчика. Понятно, что прямая аналогия в уголовном процессе невозможна. Мы презюмируем, что если обвиняемому причинен вред незаконным применением к нему мер принуждения (которое, кстати, автоматически таким не становится, если обвинение не подтвердилось, нужно, чтобы само по себе принятие меры принуждения было обоснованным [7]), то у государства хватит средств на выплату компенсации вреда в рамках реабилитации. Однако одним лишь применением меры пресечения или иной меры процессуального принуждения может быть причинен такой вред, который компенсирован не будет ни в каком случае. Достаточно вспомнить дело против В. П. Евтушенкова, руководителя АФК «Система»: стоимость акций организации после появления новости о домашнем аресте руководителя в связи с обвинением в легализации денежных средств многократно упала, и последующая отмена обеспечительной меры и прекращение уголовного преследования в связи с отсутствием состава преступления потерь, нанесенных бизнесу, не компенсировали.

Конкретно в этой ситуации избежать убытков бизнесмену вряд ли бы удалось, ведь при таком большом резонансе события интерес к нему удерживать невозможно.

Но есть ситуации, когда сведения о применении меры принуждения можно и нужно скрыть от общественности по заявлению обвиняемого в целях предотвращения причинения ему или третьим лицам (физическим и юридическим) необоснованного имущественного вреда. Это возможно и постольку, поскольку нормы ст. 161 УПК РФ относительно разглашения данных предварительного расследования позволяют по-разному решать судьбу соответствующей информации.

Отсутствие даже гипотетической возможности для стороны защиты претендовать на какие-то встречные гарантии со стороны обвинения при применении мер принуждения является той каплей воды, в которой отражается океан отношения к обвиняемому как к объекту чьей-то деятельности, а не стороне в деле, не позволяющего по-настоящему, по духу закона, сблизить процессуальные отрасли. Состязательность, реализованная в большинстве процессуальных отраслей так, как ее понимает любой нормальный человек, в уголовном процессе имеет в очередной раз больше исключений, чем правил.

Из изложенного можно заключить, что предлагаемое сближение процессуальных отраслей одновременно будет способствовать реализации принципа состязательности в уголовном процессе. Для этого необходимо, по нашему мнению, предусмотреть прямо право потерпевшего и гражданского истца ходатайствовать перед судом о применении мер принуждения, а также предусмотреть право лица, права которого ограничены мерами принуждения, просить суд о принятии мер минимизации причиняемого ему или третьим лицам ими имущественного вреда.

Библиографический список

1. Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М.: Наука. 1983. 224 с.
2. Гуськова А. П. Судебная власть и механизм ее реализации посредством судебного права // Проблемы права. 2015. № 2. С. 137–139.
3. Мурадян Э. М. Судебное право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 575 с.
4. Шарипова А. Р. Отвод судьи: насколько оправданы межотраслевые различия // Евразийская адвокатура. 2017. № 4. С. 81–85. URL: <http://www.eng.eurasian-advocacy.ru/4-29-2017/1240-content-of-number>.
5. Шарипова А. Р. Доказывание в уголовном и арбитражном процессах: невынужденные различия // Библиотека криминалиста. 2015. № 4. С. 180–185. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24255846>.
6. Трезубов Е. С. Встречное обеспечение в арбитражном процессе России: от реалий к единому Гражданскому процессуальному кодексу // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. Доступ из СПС «Консультант Плюс». DOI: <http://doi.org/10.24031/2226-0781-2017-7-6-170-191>.

7. Тарасов А. А. Основания процессуального принуждения и презумпция невиновности // *Законы России*. 2018. № 5. С. 37–42.

8. Памятники российского права. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР / под общ. ред. В. А. Лазаревой, Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 608 с.

9. Николюк В. В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания. М.: РГУП, 2018. 170 с.

10. Соловьев С. А. Механическое уравнивание прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) как отрицательная тенденция в развитии отечественного уголовного процесса // *Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: материалы V международной научно-практической конференции 10-11 ноября 2016 г. (г. Москва)*. М.: РГУП, 2017. 323 с.

11. Андреева О. И. О правах потерпевшего как участника уголовного судопроизводства // *Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей*. Томск. 2018. С. 7–8.

12. Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 296 с.

13. Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевших на доступ к правосудию // *Российская юстиция*. 2003. № 10. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

References

1. Polyansky N. N., Strogovich M. S., Savitsky V. M., Melnikov A. A. *Problemy sudebnogo prava* [Problems of judicial law]. М.: Nauka, 1983, 224 p. [in Russian].

2. Guskova A. P. *Sudebnaia vlast' i mekhanizmy ee realizatsii posredstvom sudebnogo prava* [Judicial power and the mechanism for its implementation through judicial law]. *Problemy prava* [Issues of Law], 2015, no. 2, pp. 137–139 [in Russian].

3. Muradian E. M. *Sudebnoe pravo* [Judiciary law]. SPb.: Iurid. tsentr Press, 2007, 575 p. [in Russian].

4. Sharipova A. R. *Otvod sud'i: naskol'ko opravdany mezhotraslevye razlichii* [Removal of the judge: interindustry distinctions are how justified?]. *Evrasiiskaia advokatura* [Eurasian Advocacy], 2017, no. 4, pp. 81–85. Available at: <http://www.eng.eurasian-advocacy.ru/4-29-2017/1240-content-of-number> [in Russian].

5. Sharipova A. R. *Dokazyvanie v ugolovnom i arbitrazhnom protsessakh: nevyuzhdennye razlichii* [Proving in criminal and arbitration processes: «unconstrained» distinctions]. *Biblioteka kriminalista* [Criminalist's Library], 2015, no. 4, pp. 180–185. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24255846> [in Russian].

6. Trezubov E. S. *Vstrechnoe obespechenie v*

arbitrazhnom protsesse Rossii: ot realii k edinomu Grazhdanskomu protsessual'nomu kodeksu [Counter collateral in the arbitration process of Russia: from the realities to the unified Civil Procedure Code]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* [Herald of Civil Procedure], 2017, no. 6. Available at legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://civpro.org/ru/archive/102/2425>. DOI: <http://doi.org/10.24031/2226-0781-2017-7-6-170-191> [in Russian].

7. Tarasov A. A. *Osnovaniia protsessual'nogo prinuzhdeniia i prezumptsiia nevinovnosti* [Grounds for procedural coercion and the presumption of innocence]. *Zakony Rossii* [Laws of Russia], 2018, no. 5, pp. 37–42 [in Russian].

8. *Pamiatniki rossiiskogo prava. Ugolovno-protsessual'nye kodeksy RSFSR. Pod obshch. red. V. A. Lazarevoi, R. L. Khachaturova* [Monuments of Russian law. Criminal Procedural Codes of the RSFSR. V. A. Lazareva, R. L. Khachaturov (Eds.)]. М.: Iurlitinform, 2016, 608 p. [in Russian].

9. Nikolyuk V. V. *Privod, zaderzhanie i zakliuchenie pod strazhu osuzhdenного, skryvshegosia v tseliakh ukloeniia ot otbyvaniia nakazaniia* [Drive, detention and imprisonment of a convict who disappeared for the purpose of evading punishment]. М.: RGUP, 2018, 170 p. [in Russian].

10. Solovyev S. A. *Mekhanicheskoe uravnivanie prav poterpevshego i obviniaemogo (podozrevaemogo) kak otritsatel'naia tendentsiia v razvitii otechestvennogo ugolovnogo protsesssa* [Mechanical equalization of the rights of the victim and the accused (the suspect) as a negative trend in the development of the domestic criminal process]. In: *Strategii razvitiia ugolovno-protsessual'nogo prava v XXI v.: materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 10–11 noiabria 2016 g. (g. Moskva)* [Strategies for the development of criminal procedural law in the XXI century: Proceedings of the V International Research and Practical Conference on November 10–11, 2016 (Moscow)]. М.: RGUP, 2017, 323 p. [in Russian].

11. Andreyeva O. I. *O pravakh poterpevshego kak uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva* [On the rights of the victim as a participant in criminal proceedings]. In: *Pravovye problemy ukrepleniia rossiiskoi gosudarstvennosti: sb. statei* [Legal problems of strengthening Russian statehood: Collection of articles]. Tomsk, 2018, pp. 7–8 [in Russian].

12. Volodina L. M. *Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva i problemy ego realizatsii: monografiia* [Appointment of criminal proceedings and problems of its implementation: monograph]. М.: Iurlitinform, 2018, 296 p. [in Russian].

13. Teterina T. *Otkaz prokurora ot obvineniia «prestupaet» prava poterpevshevikh na dostup k pravosudiiu* [The prosecutor's refusal to prosecute «transgresses» the rights of victims to access to justice]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian Justitia], 2003, no. 10. Available at legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].